

Андрей Корешков. Нож «Феромона».
Постановка: Алёна Левашова. Фото: Самуил Гурарий.

Алена Левашова

Мастер Андрей Корешков. О ПРИРОДЕ ВЛЕЧЕНИЯ

Феромоны — (греч. побуждать, вызывать) — собирательное название летучих веществ, выделяемых некоторыми видами животных и насекомых. Феромоны обеспечивают химическую коммуникацию между особями одного вида, управляя поведенческими реакциями и формируя физиологическое и эмоциональное состояние (влечение) других особей того же вида.

Когда я попыталась понять природу притягательности ножа «Феромона» Андрея Корешкова, то поняла, что общепринятыми понятиями здесь не обойдешься. Красиво? Да. Необычно? Да. Изящно? Конечно! А сколько времени потрачено! Но этим невозможно объяснить то непреодолимое чувство, вызывающее желание постоянно держать эту вещь в руках, рассматривать, ощущать под пальцами рельеф травления и инкрустации. Что заставляет оживать мертвую материю, почему холодная сталь кажется теплой? Однозначно ответить на эти вопросы трудно, можно по привычке сослаться на чудо, сопровождающее любой феномен по имени «Настоящее искусство». И все-таки я попробую.

Идея ножа родилась не сразу. Его созданию предшествовали три сделанные ранее вещи, на которых была отработана уникальная технология инкрустации цветными металлами в ячейки на стали, выполненные в технике травления. Первая работа — нож «Утица», 1999 год. В ней мастер опробовал эту технологию, изобразив на сером фоне клинка взлетающую золотую утку. Каждое перо птицы представляло собой замкнутый углубленный контур из стали, куда впоследствии вбивались миниатюрные кусочки желтого металла.

Вторым был нож «Листопад», 2004 год. По плоскости его клинка летели осенние кленовые листья с тончайшими стальными прожилками. В этой работе для

всечки были использованы уже сплавы металла трех оттенков, от зеленоватого до розового.

Третьей стала уникальная перьевая ручка «Листопад», законченная в 2006 году. Изначально это была коллекционная японская ручка с золотым пером ручной работы и перламутровыми вставками, вклеенными в бамбуковый корпус. Заказчик попросил сделать для нее новый корпус. Четырехгранное «тело» новой ручки было выточено из черного дерева и инкрустировано металлическими пластинами с трехцветными золотыми листьями. Работа над ручкой заняла полгода. Вещь так понравилась, что сразу же поступил новый заказ. Зная, что Корешков делает только ножи, коллекционер попросил сделать предмет, который можно держать за клинок и постоянно вертеть в руках, но который не пугал бы друзей. И это, безусловно, должен быть шедевр.

Заказ на «шедевр», по словам мастера, «включил синдром старательности». Если бы Андрей взялся за подобную вещь сейчас, то сделал бы ячейки в четыре раза большими — зрительно композиция бы не пострадала. Но изначально планка качества и эксклюзивности была установлена за пределами высоко. Вещь получилась рекордная. Достаточно сказать, что работа над ней заняла полтора года. А с самого начала мастер рассчитывал закончить ее за три месяца. Как говорится, «хочешь насмешить Бога — расскажи ему о своих планах». Когда у заказ-

чика стало иссякать терпение, Андрей объяснил ему, что все операции выполняются при поддержке дыхания, настолько точна и миниатюрна эта работа.

«Да я все понимаю...», — сказал коллекционер.

«А сколько времени в день ты можешь не дышать?» — последовал вопрос.

Больше коллекционер Андрея не торопил.

В результате такой «сумасшедшей» работы на свет появилась уникальнейшая вещь. На площади приблизительно в один квадратный сантиметр размещается свыше 1000 (!) ячеек с инкрустацией, подобранных таким образом, чтобы различные оттенки металла создавали цветовую растяжку. Возникает эффект миниатюрной живописи металлом по металлу. Разглядеть все тонкости рисунка можно только под микроскопом. Что касается общего количества ячеек, то его не знает даже мастер, потому, что замучился считать. Решить этот ребус он надеялся с помощью макросъемки ножа — на увеличенном изображении подсчитывать разноцветные кусочки гораздо проще.

Для инкрустации были использованы металлы пятнадцати цветов: золото (белого, красного, желтого и зеленого оттенков), серебро, нейзильбер, мельхиор, палладий, алюминий, латунь, сякуда, медь, бронза (насыщенного желтого, светло желтого и красного оттенков). Клинок и рукоять выполнены из стали 95X18.

В свободное от пребывания в руках своего хозяина время, «Феромона» «живет» в изящном футляре черного дерева. По матовому фону футляра разбросаны резные цветы хризантем. Соцветия углублены (техника резьбы интальо) и покрыты лаком. В дерево вмонтирован магнитный замок, однако, чтобы футляр не раскрывался самопроизвольно, для него был придуман

подвес в виде стального ажурного кольца, фиксирующего створки. На подвесе предусмотрены два ушка, в которые продевается шелковый шнур — таким образом нож можно носить на шее. Изначально к ножу предполагалось сделать несколько сменных клинков, но ни один пока по разным причинам не состоялся.

Японская тема в творчестве мастера присутствует давно. Я помню стилизованный нож танто с травяным драконом на клинке, который Андрей принес к нам в галерею в 1996 году. С тех пор в его работах периодически прослеживались мотивы Страны восходящего солнца. Но «Феромона» стала наиболее близкой по духу декоративно-прикладному искусству Японии. И по тематике, и по исполнению, и в плане философской нагруженности произведения. Видимо, в этом заказе природный перфекционизм мастера нашел достойную нишу для реализации. Хотя, как это часто бывает, сюжет родился из технологии производства. Ведь если задуматься, объектов для изображения, в которых членение формы на мозаичные кусочки будет смотреться естественно, не так уж много. В первую очередь это листья, цветы и насекомые.

Так появилась идея нарисовать порхающую среди разноцветных трав, листьев и цветов пеструю бабочку. Этакая, по словам самого Корешкова, пасторальная картина. Потом мастеру захотелось внести в нее легкую ноту драматизма: с обратной стороны рукояти в ожидании добычи притаился большой зеленый богомол. В древности бабочка олицетворяла душу, жизнь и бессознательное влечение к свету.

Современные психоаналитики считают ее символом возрождения. А в Китае и Японии она издревле имела дополнительное значение счастья, в первую очередь супружеского. В своих бессознательных стремлениях человек редко задумывается, к каким трагическим последствиям они могут привести и насколько порой хрупка безмятежность счастья. Но без них нет ни любви, ни самой жизни. Поэтому опасность, подстерегающая нас на пути к свету, это неотъемлемая часть нашего существования.

Однако, как бы ни были сильны символизм и смысловая составляющая в произведениях Андрея Корешкова, как бы ни поражала техническая сложность и кропотливость работы, это еще не все. Нельзя не назвать «третий ингредиент» удивительной притягательности его произведений, а именно, эмоциональную отдачу от создания ножей. По признанию мастера, она для него очень важна. Подобно Харуми Хираяма («Прорез», № 3–4, 2007), он представляет в процессе работы своего будущего покупателя, а если вещь делается по заказу, то пытается почувствовать, что именно должно понравиться заказчику. Наслаждение от работы над вещью остается в ней и впоследствии передается ее владельцу. Или просто человеку, который берет нож мастера в руки. Обыкновенное волшебство и ничего сверхъестественного.

В заключение хочется привести слова научного руководителя Музеев Московского Кремля Алексея Левыкина. Впервые увидев «Феромону» при отборе работ на выставку «Клинки России 2008», он сказал: «Какие же молодцы эти меценаты, что дают возможность делать такие вещи!» С этим трудно не согласиться.

*Макросъемка: Алексей Волков,
Алена Левашова.*